

ДЕНДРОНИМИЧЕСКИЙ КОД ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПАУСТОВСКОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦВЕТА. КОНЦЕПТ ДУБ

DENDRONIMIC CODE OF PAUSTOVSKY'S WORKS THROUGH THE PRISM OF COLOR. THE OAK TREE

T. B. Сивова

T. V. Sivova

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь

Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus

e-mail: sitavi@tut.by

В статье на материале произведений К. Г. Паустовского реконструирован один из фрагментов колористической картины мира писателя – колористическое дендронимическое пространство. Выявлен цветовой спектр, используемый писателем для визуализации дуба, описана индивидуально-авторская специфика его колористической перцепции и визуализации.

Ключевые слова: лингвистика цвета; термин цвета; дендроним; дуб; языковая картина мира; идиостиль; К.Г. Паустовский.

In the article one of fragments of K. Paustovsky's coloristic picture of the world – the coloristic dendronymic space was reconstructed on the bases of the writer's works of fiction. The color spectrum used by the writer to visualize the oak-tree was revealed, the individual-author specificity of coloristic perception and visualization was described.

Keywords: linguistics of color; color term; dendronym; oak-tree; linguistic picture of the world; individual style of writing; K. Paustovsky.

Реконструкция дендронимического (др.-греч. *dendron* 'дерево') пространства языковой картины мира К.Г. Паустовского представляется актуальной лингвистической задачей как в свете антропоцентричности современного языкознания, так и значимости пространства природы в мировосприятии писателя. Лексика, визуализирующая природное пространство произведений К.Г. Паустовского, обладает мощным функциональным потенциалом и раскрывает индивидуальные особенности идиостиля, в частности значимую роль колористической составляющей языковой картины мира писателя.

Дуб – одна из лексем-доминант дендронимического пространства произведений К.Г. Паустовского, о чём свидетельствует количественный (дуб, более 30 словоупотреблений) и качественный (дуб, дубовый, дубняк, дубрава, дубравный) состав функционирующих в исследуемых

произведениях¹⁵ лексем, — обладает статусом доминирующей фитонимической единицы в русском фольклорном дискурсе [3, с. 17] и культуре. Помимо собственно дендронимов, в фокус нашего исследования попадают: 1) наименования составных частей древесной растительности (*ветвь, корень, лист, семя, ствол*): *Иногда такая дорога проходила, как по туннелю, под узловатыми корнями дуба и снова подымалась на поверхность* [4, т. 6, с. 398]; *школьники прислали на строительство семени на кавказского дуба, акации и золотого дрока, чтобы посадить эти деревья по берегам канала* [4, т. 2, с. 532]; 2) наименования совокупности объектов древесной растительности (*дубовые рощи, вековые дубравы, дубняк, дубовые заросли, дубовый кустарник*): *сухие леса на её берегах перемешивались с вековыми дубовыми рощами, с зарослями ивы, ольхи и осины* [4, т. 6, с. 419]; *Это были листья не вековых дубов, а того низкорослого кустарникового дубняка*¹⁶, *каким зарастают склоны крымской яйлы* [4, т. 3, с. 226].

Анализ лексической сочетаемости данных лексем позволяет выявить ряд характеристик, раскрывающих как авторскую, так и национально обусловленную специфику перцепции дуба. На фоне доминирующей колористической характеристики значимыми являются:

1) пространственная (*прибрежные дубы – воронежский дуб, кавказский дуб, украинские дубки, дубравы Украины, дубовые леса Германии*). В контекстах: *Изредка слух улавливал то тут, то там удары тяжёлых, как олово, капель по густой листве прибрежных дубов* [4, т. 6, с. 503]; *А то этим украинским дубкам приходится туго в здешней безводной и обдуваемой ветрами степи* [4, т. 2, с. 545];

2) темпоральная, в которой доминирует значение ‘существующий очень долго’ (*вековой, древний – молодой*): *лет этому дубу четыреста, если не больше* [4, т. 2, с. 249]; *Когда-то по берегам Дона росли вековые дубравы, знаменитые донские леса* [4, т. 2, с. 511]; *Надо было рыхлить землю между молодыми дубками, сажать акацию* [4, т. 6, с. 464];

3) характеристика ‘лишённый влажности, сырости или имеющий очень незначительную влажность, сырость’ (*сухие дубовые листья, сухие дубовые ветки, сухой дубняк*): *Сухие дубовые листья залетали в обсерваторию* [4, т. 3, с. 470];

4) параметрическая (*низкорослый, маленький, тоненький*): *дотронулся до тоненького, как былинка, совершенно детского ствола ма-*

¹⁵ Материалом для исследования послужили тексты, включённые в 1–6 тт. Собрания сочинений [4].

¹⁶ *дубняк ‘дубовый лес’, ‘дубовая поросль’* [1, с. 287].

ленького дуба с прозрачными от молодости листочками [4, т. 2, с. 548], также на основе переноса: *старушка люстра, потерявшая половину своих хрусталей, похожих на дубовые листья* [4, т. 3, с. 6];

5) акциональная: *где дубы растут во влажном и мягком климате* [4, т. 2, с. 545], а также *колючий* 'обладающий способностью колоть' [1, с. 443]: *Солнце стояло над Аю-Дагом, над колючим дубняком, жгло спину* [4, т. 2, с. 402];

6) антропоморфная (детский, дружок): *Растут дубочки, дружки мои милые!* [4, т. 2, с. 548].

В меньшей степени актуализируются признаки 7) прочность: *Мы один [дуб] вытащили, только работать с ним трудно. Пилы ломает. Но уж ежели сделаешь вещь – скалку или, скажем, коромысло, – так навек!* [4, т. 6, с. 400] и 8) вес: *Тяжёлое дерево, в воде тонет* [4, т. 6, с. 400].

Спорадически – 9) аудиальная характеристика: *Глухие зимние дни, поля в ночных снегах, в оловянной мути, скрежет смёрзшихся дубовых листьев за окном – и он один, одни в этих ночах без сна, без вдохновения* [4, т. 5, с. 473]; 10) оценочная: *Он знал, что гитлеровцы начисто вырубili великоленные дубравы на Украине* [4, т. 3, с. 120] и 11) сакральная: *Суд старейшин всегда собирался под вековым священным деревом – дубом или вязом.* [4, т. 5, с. 244].

На фоне многосторонней характеристики дуба его колористическая визуализация приобретает особое значение особенно в свете того факта, что кора дуба является прототипом цвета *под дуб*, что находит отражение в лексикографических источниках: в «Словаре цвета» В. К. Харченко: *под дуб* 'исчерна-красновато-коричневый' [6, с. 117], в «Каталоге названий цвета», созданном под руководством А. П. Василевича: *цвет дуба, дубовый, кора дуба, корабельный дуб, медовый дуб, морёный дуб, осенний дуб, молодой дубок* [2, с. 195].

Цветообозначение *под дуб* / *под дубовое дерево* функционирует и в исследуемых нами произведениях: *позвоню у выкрашенных под дуб дверей, в ответ на звонок залает шниц* [4, т. 4, с. 190]; *В его тёмной комнате, оклеенной обоями под дубовое дерево, пахло фиксажуром* [4, т. 4, с. 273], расширяя их колористическую палитру, которая представлена следующими терминами цвета (в порядке убывания): *рыжий, жёлтый, ржавый, красный / красновато-зелёный*, коррелирующими преимущественно с лексемами *лист, листва*, а также авторскими цветономинациями: (цвет) *чёрной стали, слиток* и лексемами со значением 'по цвету близкий к чёрному, очень густой по окраске': *тёмный, морёный*. Сопоставление данного диапазона с отражающими стандарт русского языкового сознания «цветовыми» реакциями на стимул «дуб»:

зелёный, зелень, жёлтый [5, с. 182], выявляет не только пересечение с ним, но и свидетельствует о высокой степени индивидуально-авторской перцепции данного дерева.

Визуализирующие дендронимическое пространство произведений термины цвета функционально нагружены. Так, функциональность термина цвета *рыжий* расширяется от колористической характеристики флоры до характеристики ландшафта: *Горы были рыжие, покрытые голыми дубовыми кустами* [4, т. 3, с. 486].

Термины цвета *жёлтый* и *ржавый* принимают участие в визуализации темпоральной координаты (ТК) «Время года»: *Жёлтые дубовые листья полетели вихрем* [4, т. 3, с. 495]; *Стояла осень. Кончался сентябрь. Дубовые леса по берегам Волги уже заржавели от первых утренних морозов, но на полях и в сырой траве ещё попадались последние лесные цветы* [4, т. 3, с. 591], композит *красно-зелёный* – ТК «Возраст»: *Тогда стали видны как бы длинные красновато-зелёные шнурки, протянутые между акацией и клёном. Это были ряды молоденьких – в три-четыре листика – дубков* [4, т. 2, с. 548].

Термин цвета *красный* становится основой для характеризующей манеру цветописы К. Г. Паустовского системы параллелей: *прижала ко рту рукав рубахи, вышитой красными дубовыми листьями, и рядом с ними по полотну расплзлось маленькое кровавое пятно, похожее на вышитый дубовый листок* [4, т. 4, с. 27].

Писатель расширяет колористический спектр авторскими цветономинациями, в основе которых лежит сравнение: *Под ней [водой] лежали древние дубы, будто отлитые из чёрной¹⁷ стали* [4, т. 6, с. 400], актуализирует ставшую константной чертой цветописы взаимосвязь цветовых и световых ощущений: *свет открывал то чёрные блестящие стебли травы с оранжевыми засохшими ягодами, то огненные шапки мухоморов, как будто забрызганные мелом, то плитки¹⁸ слежавшихся дубовых листьев* [4, т. 6, с. 158], что подтверждается функционированием и других терминов цвета: *Рыжие от сухого дубняка обрывы Яйлы кое-где еле тлели последним огнём* [4, т. 5, с. 208].

Помимо световой характеристики, в визуализации дуба значим второй член оппозиции свет – тьма: [горы] *медленно оживали, разгорались*

¹⁷ Не принимаются во внимание контексты, в которых термин цвета чёрный входит в состав названия вида дуб чёрный (лат. *Quercus nigra*): буфет из чёрного дуба [4, т. 5, с. 81]; тяжёлыми вещами из чёрного дуба [4, т. 5, с. 325].

¹⁸ *слиток* разг. ‘кусоч самородного золота или серебра’ [1, с. 1210].

чистыми красками – желтизной осыпей и лишаёв, сиреневой шероховатостью гранита, красными руслами высохших потоков, **тёмной листовой дубовых зарослей** [4, т. 2, с. 380], выражаемый также лексемой морёный спец. ‘выдержанный в воде и приобретший тёмный цвет, твёрдость, прочность’ [1, с. 557]: *На дне Хотца лежат чёрные морёные дубы* [4, т. 3, с. 622].

Таким образом, визуализируя пространство и время произведений, лексема дуб и дериваты отражают как национальные колористические приоритеты, так и индивидуально-авторскую специфику создания дендронимического кода произведений, значимого в языковой картине мира писателя.

Сфера функционирования лексемы дуб расширяется от пространства природы до других значимых пространств произведений: 1) пространства человека: *поражали меня **руки мушей**. Набухшие жилы были навязаны в узлы, **как корни у дуба**. Сквозь серую кожу просвечивала тёмная, венозная кровь* [4, т. 5, с. 333] и пространства «вещного мира»: *Там в кувшине стояла холодная колодезная вода, висело знакомое льняное **полотенце с вышитыми дубовыми листьями*** [4, т. 6, с. 300];

2) пространства творчества: как поэтического текста [Н. М. Языков «К Рейну»]: *Языков приносит здесь поклон Рейну от великих русских рек, в том числе и **от Оки**: ... поёмистой, **дубравной** // В раздолье муромских песков // Текущей царственно, блистательно и плавно* [4, т. 3, с. 248], так и фольклорного: *Ещё с тех времён родились мерные, как топот копыт, забубённые **песни**: Гей, казаки, за семью дубами // Захавала свою долю голытьба!* [4, т. 2, с. 508];

3) пространства языка: *Коля впервые услышал от Николая Никитича рассказы о Мичурине и Докучаеве, **о дубравах** – «засаках»¹⁹, которые росли когда-то по ту сторону реки и охранялись стрельцами – пращерами нынешних обитателей Стрелецкой слободы* [4, т. 3, с. 30], что расширяет и темпоральный диапазон произведений.

Таким образом, цветовая характеристика дуба в совокупности других его значимых характеристик создаёт время-пространство произведений К.Г. Паустовского, конструирует уникальное дендронимическое пространство, отражающее как авторские, так и национальные аксиологические приоритеты.

¹⁹ *засака* устар. ‘заповедный лес’ [1, с. 344].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Василевич, А.П. Каталог названий цвета в русском языке / А.П. Василевич [и др.], под ред. А.П. Василевича. – М.: Изд-во «Смысл», 2014. – 216 с.
3. Летова, А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.М. Летова; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2012. – 22 с.
4. Паустовский, К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. / К.Г. Паустовский. – М.: Худож. лит., 1980–1986. – Т. 1: Романы и повести, 1981. – 623 с.; Т. 2: Роман и повести, 1981. – 615 с.; Т. 3: Повести, 1982. – 687 с.; Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3, 1982. – 734 с.; Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6, 1982. – 591 с.; Т. 6: Рассказы, 1983. – 623 с.
5. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. I: От стимула к реакции. 2002. – 784 с.; Т. II: От стимула к реакции. 2002. – 992 с.
6. Харченко, В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское / В.К. Харченко. – М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2009. – 532 с.

ЛАБИРИНТЫ ПОЭТИЧЕСКИХ МИРОВ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА И МАРКА ШАГАЛА

LABYRINTHS OF THE POETIC WORLDS OF VENEDICT YEROFEEV AND MARK SHAGALL

Т. Е. Трощинская-Степушина

T. Troshchynskaya-Stepushyna

Средняя школа № 4 г. Витебска
Витебск, Беларусь

High school № 4 of Vitebsk
Vitebsk, Belarus

e-mail: astrid_2000@tut.by

В данной статье приводятся результаты работы, посвященной исследованию лабиринтов творчества М. Шагала и В. Ерофеева – двух выдающихся деятелей искусства XX в. Выдвигается и доказывается гипотеза о наличии возможных сцеплений – точек соприкосновения, которые позволяют говорить об общности лабиринтов их жизненных и творческих судеб. При сравнении жизни и творчества Ерофеева и Шагала в качестве точек соприкосновения рассматриваются ассоциативно-семантические узлы как средоточие объединяющих смыслов.

Ключевые слова: Ерофеев; Шагал; точки соприкосновения.

The article presents the results of a work devoted to the study of the labyrinths of creativity of M. Chagall and V. Erofeev – two prominent artists of